

Т. И. Манякина

Днепропетровский национальный университет имени Олеса Гончара

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ПЕРЕВОДАХ ПОЭЗИИ А. С. ПУШКИНА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Изложены некоторые наблюдения над трансляционными возможностями немецкого языка при переводах стихотворных произведений А. С. Пушкина. Установлено, что, несмотря на очевидные расхождения между русской (синтетической) и немецкой (в большой степени аналитической) языковыми системами, немецкий язык обладает значительными пластическими возможностями, позволяющими адекватно передавать тонкие смысловые и стилистические нюансы и изощренные рифмо-ритмические построения при переводе русских стихотворных текстов.

Ключевые слова: перевод, строфа, «онегинская строфа», стихотворный размер, рифма, адекватность перевода.

Манякина Т. И., Дніпропетровський національний університет імені Олеса Гончара.
ДЕЯКІ НОТАТКИ ПРО ПЕРЕКЛАДИ ПОЕЗІЇ О. С. ПУШКІНА НІМЕЦЬКОЮ МОВОЮ

Наведено деякі спостереження трансляційних можливостей німецької мови у перекладах віршованих творів О. С. Пушкіна. Встановлено, що, незважаючи на розбіжності між російською (синтетичною) та німецькою (значною мірою аналітичною) мовними системами, німецька мова має значні пластичні можливості, які дозволяють адекватно передавати тонкі смислові та стилістичні нюанси, а також витончені римо-ритмічні побудови під час перекладу російських віршованих текстів.

Ключові слова: переклад, строфа, «онегінська строфа», віршований розмір, рима, адекватність перекладу.

Manyakina T. I., Oles Honchar Dniepropetrovsk National University. **SOME NOTES ABOUT GERMAN TRANSLATIONS OF PUSHKIN'S POETRY**

This article deals with some observations on German language capabilities while recreating semantic and stylistic as well as structural and architectural peculiarities of A. S. Pushkin's poems.

Pushkin's oeuvre has always been regarded in Germany as a phenomenon belonging to ultimate achievements in the world literature. This is attested to by regular attempts to translate and publish his works there.

Translations of A. S. Pushkin's poems including the novel in verse «Eugene Onegin» demonstrate German translators' tendency to achieve not only semantic and stylistic adequacy but also architectural equivalence between the target text and the source text.

Certain observations on Pushkin's poetry translations into German make it obvious that despite evident differences between the Russian (synthetic) and German (analytic) language systems German has considerable flexible capabilities that allow conveying impalpable semantic and stylistic peculiarities as well as intricate rhyme and rhythm structures while translating Russian texts written in verses.

The prospects of the research under consideration are seen in extending genre variety of Pushkin's poetry translations into German as well as in their contrastive analysis.

Key words: translation, strophe, «Onegin's strophe», metre, rhythm, translation adequacy.

Творчество А. С. Пушкина является культурным достоянием мирового значения. Его знают и читают во всем мире благодаря переводам на многочисленные языки. Каковы особенности этих переводов? Каков трансляционный потенциал языков, достаточно далеких от русского? Эти вопросы манифестируют одну из актуальных исследовательских сфер современного переводоведения. Они могут

рассматриваться как в индивидуально-творческом, так и в сопоставительно-типологическом плане.

Целью статьи является изучение возможностей немецкого языка при воссоздании семантико-стилистического и структурно-архитектонического своеобразия стихотворных произведений А. С. Пушкина. К этой теме нас привел сугубо читательский интерес людей, владеющих немецким языком, и специфика профессиональной деятельности в качестве преподавателей немецкого отделения. Но в начале – небольшая преамбула.

Как самый дорогой сувенир от наших студентов, победивших в одном из первых конкурсов на получение стипендии для семестровой учебы в Германии, храним мы небольшую подборку пушкинских стихотворений и фрагментов из «Евгения Онегина» в переводе на немецкий язык. Сегодня с помощью Интернета можно собрать целую библиотеку пушкинских текстов в переводе на самые разные языки. Но эта, первая подборка, полученная пятнадцать лет тому назад, хранит память о трогательной обязательности и старании живого человека, студентки, которая потрудилась в библиотеке Йенского университета, чтобы выполнить просьбу своего отечественного преподавателя.

В сопроводительной записке девушка посетовала на то, что наиболее «свежие» издания переводов Пушкина в библиотеке этого университета относятся ко второй половине 40-х годов XX века [3–5]. Для нас же это примечание явилось чрезвычайно значимым историческим штрихом: в первые послевоенные годы в Германии, как и во всей Европе, приоритетными, по нашему разумению, могли быть только экономические проблемы, но, оказывается, в это время здесь уже издавались (или переиздавались) переводы Пушкина! Таков, видимо, был авторитет страны-победительницы.

Нужно отметить, что в последующие десятилетия произведения А. С. Пушкина как стихотворные, так и прозаические, неоднократно переводились и публиковались и в ГДР, и в ФРГ, а с начала девяностых годов – в единой Германии. Нам известны, например, целых три стихотворных перевода «Евгения Онегина» на немецкий язык, а также выполненный в качестве эксперимента прозаический перевод, который был опубликован в виде параллельного русско-немецкого издания дважды – в 1994 и 1996 году [6]. Целью этого прозаического перевода было показать во всей возможной полноте и точности богатство, гибкость и живость пушкинской речи, передать все смысловые и стилевые нюансы повествования, ибо при стихотворном переводе романа неизбежны потери [6, S. 11]. Приведем небольшой отрывок этого прозаического переложения.

XXXI

*Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц.*

*Ich habe Tat'janas Brief vor mir. Ich hüte ihn
wie ein Heiligtum, lese ihn immer wieder mit
heimlicher Sehnsucht und kann gar nicht ge-
nug davon haben- Wer gab ihr bloß diese
Zartheit ein, diese reizende Ungezwungenheit
der Worte? Wer gab ihr den rührenden Un-
sinn ein, die unüberlegte Sprache des Her-
zens, so hinreißend und so gefährlich? Ich
kann es nicht verstehen. Doch hier ist eine
unvollständige, schwache Übersetzung*- wie
die blasse Kopie eines lebensvollen Bildes,
wie ein «Freischütz», von schüchternen Schü-
lerinnen auf dem Klavier heruntergespielt.
(Übersetzung: M. Braun) [6, S. 51].*

Симптоматично, что при всей точности («подстрочности») этой реконструкции она более многословна и объёмна, чем оригинал, в силу специфики немецкой грамматики, о которой будет сказано ниже.

Но вернемся к стихотворным переводам поэзии А. С. Пушкина. Какое впечатление они производят на филолога-германиста? Без околичностей скажем: они воспринимаются как чудо! В первую очередь благодаря воспроизведению ритма, интонации, мелодики, архитектоники «онегинской строфы». Как чудо это воспринимается потому, что немецкий язык значительно отличается от русского по своей фонетике (многие звуки, соотносимые с русскими, имеют специфическую форсированную окраску, ощутима тенденция к фиксированному словесному ударению), но, главное, по структурно-грамматическим особенностям, таким как фиксированный словопорядок, рамочная конструкция, наличие «лишних» строевых слов – связочных и вспомогательных глаголов, артиклей, возвратных местоимений и других, создающих по сравнению с русским языком своеобразный словарный балласт, который удлинняет переводимую фразу и навязывает переводчику априори некий жесткий структурный каркас. Поэтому, приступая к чтению переводов, мы готовились обнаружить в них такие «объективные» потери, которые, несмотря на все усилия переводчика, не позволяют немецкому читателю ощутить весь блеск пушкинского слога. Однако вопреки нашим тревожным ожиданиям оказалось, что все структурные препоны в переводах благополучно преодолены, стихотворный размер и характер рифм с немецкой тщательностью воспроизведены, интонация вполне узнаваема, оптимальные лексические и стилистические соответствия найдены. Достаточно сравнить начало первой главы «Евгения Онегина» в оригинале и в переводе:

<i>«Мой дядя самых честных правил,</i>	<i>a «Mein Onkel tut sehr brav und bieder,</i>	<i>a</i>
<i>Когда не в шутку занемог,</i>	<i>b Jetzt plötzlich sterbenskrank zu sein:</i>	<i>b</i>
<i>Он уважать себя заставил</i>	<i>a So schätzt man ihn doch einmal wieder;</i>	<i>a</i>
<i>И лучшие выдумать не мог.</i>	<i>b Gescheitres fiel ihm selten ein.</i>	<i>b</i>
<i>Его пример другим наука;</i>	<i>c Sein Beispiel – andern eine Lehre!</i>	<i>c</i>
<i>Но, боже мой, какая скука</i>	<i>c Wenn nur, o Gott, die Qual nicht wäre,</i>	<i>c</i>
<i>С больным сидеть и день и ночь,</i>	<i>d Vom siechen Greis bei steter Wacht</i>	<i>d</i>
<i>Не отходя ни шагу прочь!</i>	<i>d Nicht loszukommen Tag und Nacht!</i>	<i>d</i>
<i>Какое низкое коварство</i>	<i>e Und diese Last gemeinster Pflichten:</i>	<i>e</i>
<i>Полу-живого забавлять,</i>	<i>f Solch halbem Leichnam beizustehn,</i>	<i>f</i>
<i>Ему подушки поправлять,</i>	<i>f Mit Arznei zur Hand zu gehn,</i>	<i>f</i>
<i>Печально подносить лекарство,</i>	<i>e Wehleidig ihm sein Pfühl zu richten –</i>	<i>e</i>
<i>Вдыхать и думать про себя:</i>	<i>g Da seufzt man wohl und denkt für sich:</i>	<i>g</i>
<i>«Когда же чёрт возьмет тебя!»</i>	<i>g «Wann endlich holt der Teufel dich!»</i>	<i>g</i>
[2, с. 8]	(Übersetzung: Th. Commichau) [4, S. 255]	

Еще раз подчеркнем: в переводе точно воспроизведены **стихотворный размер** (четырёхстопный ямб; в отдельных строках – ямб с энклитикой последнего, безударного слога) и **рифмо-схема** оригинала (указана справа от текстов); восклицания помещены в тех же строках и по тому же поводу; удивительно точно передан предметный смысл почти каждой строки и его словесное воплощение; переводчик почувствовал и блестяще воспроизвел заключенную в строфе иронию. И мы с изумлением открываем гибкость немецкого языка, его немалые поэтические возможности, проявляемые в сфере стихотворного перевода.

Обратимся к переводу еще одного произведения А. С. Пушкина. Одним из гениальнейших по эмоциональной глубине, психологической точности и по речевой естественности является, как думается, его стихотворение «Я вас любил ...». Немецкоязычный «двойник» этого текста сразу же был включен нами в число ма-

териалов, которые используются на немецком отделении ДНУ при постановке произношения. Студентам это произведение (на родном языке) хорошо известно еще из школы. Это обстоятельство помогает первокурсникам правильно интонировать и акцентировать текст перевода и облегчает его заучивание наизусть.

Догадка о первоисточнике возникает у отдельных студентов уже при первом (без указания автора) предъявлении немецкоязычного варианта: начальная фраза, а также знакомый ритм и знакомая интонация наводят их на такое предположение. Не совсем веря себе, они уточняют, не перевод ли это знаменитого пушкинского стихотворения. Нужно признать, что для сомнения имеется некоторое основание. Дело в том, что переводчик заменил местоимение «Sie» местоимением «du», то есть обращение на «Вы» обращением на «ты». Это повлекло за собой «сокращение дистанции» между субъектом признания и его адресатом. Вчитаемся в текст перевода.

<i>Ich liebte dich: vielleicht ist noch bis heute</i>	<i>a</i>
<i>In meiner Brust dies Feuer nicht verglüht;</i>	<i>b</i>
<i>Doch will ich nicht, daß es dein Schmerz erneute –</i>	<i>a</i>
<i>Nichts soll fortan erregen dein Gemüt!</i>	<i>b</i>
<i>Ich liebte dich mit hoffnungslosem Schweigen,</i>	<i>c</i>
<i>Bald schüchtern, bald durch Eifersucht betrübt;</i>	<i>d</i>
<i>Ich liebte dich so innig, so treueigen –</i>	<i>c</i>
<i>Gott gebe, daß ein andrer dich so liebt!</i> (Übersetzung: F. Fiedler) [4, S. 113]	<i>d</i>

<i>Я вас любил: любовь ещё, быть может,</i>	<i>a</i>
<i>В душе моей угасла не совсем;</i>	<i>b</i>
<i>Но пусть она вас больше не тревожит;</i>	<i>a</i>
<i>Я не хочу печалить вас ничем.</i>	<i>b</i>
<i>Я вас любил безмолвно, безнадежно,</i>	<i>c</i>
<i>То робостью, то ревностью томим;</i>	<i>d</i>
<i>Я вас любил так искренно, так нежно,</i>	<i>c</i>
<i>Как дай вам Бог любимой быть другим</i> [1, с. 454]	<i>d</i>

У Пушкина персонажей разделяет непреодолимая преграда, обозначенная холодным «Вы». В то же время читатель чувствует, что именно эта форма обращения при той предельной душевной открытости, с которой делается признание (по сути, самоанализ), служит лирическому герою моральной опорой и позволяет сохранить достоинство. В переводе же отчуждение еще не достигло предельной степени, после которой право или желание обращаться на «ты» окончательно утрачивается.

Поразительно, что замена такого маленького элемента текста смогла повлечь за собой его глубинную концептуальную трансформацию. Как думается, для данной лексической замены возможны две причины. Первая, простая, видится в том, что переводчик мог не осознать специфику обращения в оригинале, поскольку «вы» здесь печатается с маленькой буквы. Вторая причина глубже. Она связана с омонимией трёх местоимений в немецком языке: sie = она, sie = они, Sie = Вы. На слух местоимение «Sie» (Вы) в этом тексте может быть истолковано как «sie», т. е. «она». Иными словами, возникает вариант «Я её любил ...». При этом, если заменить «du» на «sie» во всех его позициях в данном тексте, то ни разу не возникает коллизии смыслового или грамматического недоразумения. Однако в результате такой замены искажается исходный ракурс подачи предмета страсти, так как исчезает прямое обращение к нему. А это ведёт к искажению психологической коллизии, к обеднению фактуальной и эмоциональной картины.

Кстати, такой нежелательный смысловый эффект в случае употребления местоимения «Sie» неизбежен при чтении перевода со сцены, по радио или по телевидению, т. е. тогда, когда текст должен восприниматься на слух. Видимо, переводчик, взвесив все варианты, выбрал тот, который давал меньшую потерю. Вот такие парадоксы может иногда всё же преподносить грамматика немецкого языка: в данном случае возник эффект игры слов (на основе омонимии), а это, как известно, явление практически непереводаемое.

Наши окончательные выводы из изложенного будут следующими. Творчество А. С. Пушкина неизменно осознается в Германии как феномен, входящий в ряд высочайших достижений мировой литературы. Об этом свидетельствуют регулярно предпринимаемые здесь переводы и издания его произведений. Переводы стихотворных произведений поэта, в частности романа «Евгений Онегин», свидетельствуют о стремлении немецких переводчиков добиваться не только семантико-стилистической адекватности, но и архитектурного тождества перевода с оригиналом.

Уже отдельные наблюдения над переводами поэзии А. С. Пушкина на немецкий язык убеждают в том, что, несмотря на очевидные расхождения между русской (синтетической) и немецкой (в большой степени аналитической) языковыми системами, немецкий язык обладает значительными пластическими возможностями, позволяющими адекватно передавать тонкие смысловые и стилевые нюансы и изощренные рифмо-ритмические построения при переводе русских стихотворных текстов.

Перспективы дальнейших исследований в заявленном аспекте мы связываем с расширением жанрового спектра переводов поэзии А. С. Пушкина на немецкий язык, а также с их анализом в сопоставительном плане: имеется в виду сопоставительный анализ переводов «Евгения Онегина» разными переводчиками. Интересно было бы также рассмотреть переводы на немецкий язык прозаических произведений А. С. Пушкина.

Библиографические ссылки

1. **Пушкин А. С.** Сочинения в трёх томах. – М. : Худож. лит. – Т. 1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. – 1985. – 735 с.
2. **Пушкин А. С.** Там же. – Т. 3: Евгений Онегин : Роман в стихах; Художественная проза. – 1954. – 620 с.
3. **Puschkin, Alexander S.** Gedichte. – Leipzig : Karl Rauch-Verlag, 1946. – 40 S.
4. **Puschkin, Alexander S.** Gedichte. Poeme. Eugen Onegin / Hrsg. von W. Neustadt. – B. : SWA-Verlag, 1947. – 556 S.
5. **Puschkin, Alexander.** Ausgewählte Werke / Hrsg. Von Johannes von Guenther. – B. : Aufbau-Verlag, 1949. – 271 S.
6. **Puschkin A. S. Evgenij Onegin.** Roman in Versen: Russisch-deutsche Parallelausgabe / Prosaübersetzung von Maximilian Braun; Hrsg. Von Vasilij Blok und Walter Kroll. – 2. Auflage. – Göttingen : Seminar für slawische Philologie der Georg-August-Universität, 1996. – 160 S.